

«...и, собственно, всё вышеперечисленное говорит о том, что коронавирус – это обычная вирусная пневмония, на которой очень скоро фармацевтические корпорации заработают кучу бабла!»

Олег, очень довольный собой, нажал на «опубликовать» и стал с интересом ждать реакцию «социума».

Последние два года Тимофеев, знакомясь с женским полом, именовал себя блогером. Действительно, каждый день он комментировал в фейсбуке новости, размещал в инстаграме забавные фото своего любимого французского бульдога с соответствующими подписями, вёл видеоблог «Любовь после пятидесяти лет».

Его сместила истерия с коронавирусом. В свои пятьдесят пять он пережил эпидемии холеры, свиного и птичьего гриппа, смену денег, кризис неплатежей и обрушение доллара. Если учесть, что Олег тридцать лет занимался бизнесом, то его мало чем можно было удивить.

Он разместил в социальной сети номер один (которую, по слухам, плотно контролирует ЦРУ) пост, развенчивая, по его мнению, безумный фейк под названием коронавирус, и ждал откликов.

Тимофеев никогда не спорил с оппонентами и не комментировал ответы на публикации. Он знал, что закон социальных сетей заключается в том, что даже если ты обладаешь исключительными знаниями и компетенциями, то все равно в итоге будешь дураком.

Олег, посмеиваясь, читал комментарии и удовлетворенно хмыкнул, когда количество лайков перевалило за тысячу. Потом, неторопливо листая список лайкнувших и рассматривая аватарки, вдруг замер. С фотографии на него смотрела сквозь стекла модных очков строгая брюнетка с короткой стрижкой.

Евгения Ларсен – имя и фамилия были написаны латиницей.

Тимофеев быстро перешёл в ее профиль, кликнул «фото» и начал жадно рассматривать фотографии.

Годами пользуясь социальными сетями, мы складываем, зачастую бездумно и автоматически, историю нашей жизни. Внимательный человек по фото и постам, размещенным в профиле, может создать достоверную картину о том, как вы живёте (и с кем), каковы ваши пристрастия и привычки, чем вы недовольны.

Евгения Ларсен двадцать три года жила в Норвегии, вдовствовала, но была в «гражданском партнёрстве». Ее дочь с мужем и двумя сыновьями обосновались на берегу Женевского озера, где, видимо, любила бывать и госпожа Ларсен. Во всяком случае, многие фото со счастливыми улыбающимися с ней в обнимку радостными внуками были сделаны на фоне женевских пейзажей.

«Вот, сука, чего они там всегда улыбаются и радуются?!» – Тимофеев поиграл желваками и посмотрел в окно, на стену соседнего дома.

Дом был серым, панельным, с потрескавшимися швами, расписанным юными дарованиями цоколем и металлическими входными дверями в подъезды. Двери были окрашены в чёрный цвет, а кодовые замки, как водится, не работали.

Когда-то в этом доме жила Женечка Тюлина, ныне вдовствующая в «гражданском партнёрстве» госпожа Ларсен.

Они лежали на ковре. Когда одежда была сброшена, она рассмеялась ему в ухо:

– Олежа, а знаешь, у нас будет настоящая половая жизнь!

– Да? – он растерянно оглянулся, увидел, что в комнате только ковёр на полу и старое кресло около окна.

– Да! – она потянула его вниз.

Они лежали на ковре. Он рассматривал пожелтевший потолок, а она говорила не переставая:

– Представляешь, Даша сказала воспитательнице: «Тамара Николаевна, вы глупая!», я ей сразу по губам дала! Кошмар какой-то! Не знаю, что с ней делать.

Олег резко, до хруста, повернул голову вправо и внимательно посмотрел Женечке в глаза.

Заболела жена, и ему пришлось вести Тёму в детский сад. Пока сын, побряхывая, раздевался, Олег обратил внимание на молодую женщину, которая, присев на корточки, что-то говорила на ухо девочке с розовыми бантами.

Закончив говорить, женщина поцеловала дочь, чуть подтолкнула ее к двери в группу, поднялась и пошла к выходу.

Увидел тогда Тимофеев в её, казалось бы, обычном дежурном поцелуе, которым провожают детей родители, какой-то порыв, страсть неогданную и нерастраченную, потребность в любви.

Он быстро поцеловал Тёму в макушку и вышел следом. Они познакомились, а через неделю оказались на ковре.

– Всегда! Слышишь, всегда защищай свою дочь! Не давай в обиду никому и никогда! Даже если она неправа!

– Олежа, ты чего? – Женечка приподнялась, опираясь на локоть, и удивленно посмотрела на Тимофеева.

– Женечка, наши дети должны видеть в нас надежную защиту, главное, что мы можем им дать, – это любовь! Никогда больше не поднимай руку на свою дочь! И не слушай кого-то, выслушай сначала своего ребёнка!

– А вот ты чего на меня кричишь! Значит, можно взрослым хамить?!

– Ты же не спросила, почему она так сказала?

– Потом спросила. Татьяна Николаевна назвала их с Темой «жених и невеста».

– Вот! Дура полная эта воспиталка! Права Даша!

Встречаться им было удобно, хотя и очень опасно. В любой момент жена Олега могла увидеть, как муж, который пошёл в магазин, завернул зачем-то в подъезд дома напротив. Ну, и соседи, конечно, в момент расскажут!

Однако бог миловал. Да и Женечка вскоре съехалась с мамой – они обменяли свои однушки на трехкомнатную квартиру рядом с престижной школой.

Встречи их стали редкими, тем более что у Женечки были частые командировки в Москву, да и отправить маму и Дашу погулять тоже получалось далеко не всегда.

В сентябре у Олега родилась дочь, и свободного времени совсем не стало.

7 марта он с букетиком тюльпанов, заехал к Женечке, которая, зардевшись, провела его на кухню, к накрытому столу, и познакомила с Уле.

– Он живет в Бергене и приехал посмотреть наш город.

– И остановился у тебя?

– Да – Женя смотрела ему в глаза.

– Хорошо! Приятного времяпровождения!

– Ты что там, картину Коровина увидел? Ужин остывает!

Олег посмотрел на жену, кивнул головой, еще раз бросил взгляд на размытый сумерками силуэт дома напротив и, вздохнув, пошёл на кухню.

«Привет! – написал он в мессенджере Евгении Ларсен. – Спасибо за внимание к моей писанине!»

«Привет!» – ответила госпожа Ларсен.

Они закружились в переписке, становясь моложе на тридцать лет, собирая лоскутки прошлого, складывая их, словно мозаику, в причудливую картину радости, желаний, встреч, расставания и, наверное, любви, которая прошла, по-настоящему даже не начавшись.

Как-то она написала, что все эти годы помнила его и думала о нем. Он научил её всегда заступаться за дочь, она очень хочет увидеть его, чтобы поблагодарить лично.

Потом он получил СМС, от которого сердце забилось часто-часто и подскочило давление: «Через неделю буду в Москве. Жду встречи».

Олег узнал, в какой гостинице остановится Женечка, и, вздохнув от столичных цен, забронировал там номер. Скептически осмотрел свой гардероб и остановился на джинсах, светло-синей рубашке и летнем пиджаке, который подарили ему на пятидесятилетний юбилей. С обувью дела обстояли хуже.

– Борь, сможешь что-нибудь сделать? – спросил он своего одноклассника, который держал обувное ателье.

– Шо сказать! – Боря рассматривал заношенные, когда-то стильные «Балденини». – Таки я попробую!

– Тебе обязательно ехать на эту презентацию? – жена подозрительно смотрела на Олега, который с улыбкой примерял ботинки, ставшие как новенькие.

– Милая, обязательно! – он поцеловал жену в неподвижный лоб (результат злоупотребления ботексом). – Автор – блогер с миллионом подписчиков! Может, пообщаться получится!

– Если бы бизнес не просрал, то это он бы искал возможность с тобой пообщаться! А что как нарядился?

– Ревнуешь? – процедил Тимофеев, пытаясь изобразить улыбку.

– Отревновала уже! Хотя выглядишь ты... – жена махнула рукой, ушла на кухню и начала там усиленно чем-то греметь.

Он действительно выглядел очень хорошо. Спортивный, подтянутый, с копной седеющих волос и пронзительным взглядом зелёных глаз, Олег продолжал нравиться женщинам, в том числе намного моложе его.

Москва встретила его чистотой, ухоженными газонами и туалетами в метро.

Гостиница была сетевой, сервис налаженным, а персонал радушным. Разместившись в номере, Олег посмотрел на часы: до встречи в ресторане на первом этаже оставался час.

Он прилёг на широкую удобную кровать, думая о том, что через несколько часов они окажутся здесь и Женечка будет ласкать его соскучившееся по ней тело.

Тимофеев внимательно осмотрел себя, снял несколько пылинок с пиджака, тщательно почистил зубы и принял таблетку виагры, предусмотрительно купленную в аптеке на вокзале. В инструкции было написано «принять за час до контакта», но он подумал, что уж лучше с запасом, мало ли...

В лифте ему стало душно и вдруг разболелась голова. Олег вернулся в номер, принял таблетку от давления, посмотрелся в зеркало (а то «дороги не будет») и решил спуститься в ресторан по лестнице.

Она уже сидела за столом, спиной к окну. Он почувствовал, как дрожат колени, и вдруг понял, что пришёл без цветов.

Официант принёс странной паре меню и встал чуть поодаль, ожидая заказ.

Олег смотрел на Женечку, которую не видел тридцать лет, а если бы не фейсбук, то не увидел бы никогда. Он смотрел на морщины, которых не было на фотографиях («фотошоп» – пронеслось в голове), на руки с набрякшими венами, на шею с предусмотрительно повязанным платком и вдруг закашлялся.

– Попей! – сказала Женечка с улыбкой.

Олег кашлял и видел стол в квартире, где она жила с мамой и дочкой, видел ту, молодую и страстную Женечку, видел безвременно ушедшего Уле хотя, сколько ему тогда было лет...

– Попей, что ты! – она протянула Олегу бокал.

Продолжая кашлять, он взял бокал, потом, шумно дыша, выпил воду большими глотками, вытер губы салфеткой, встал, церемонно кивнул головой и сделал несколько шагов в сторону выхода.

– Олега, ты куда? – растерянно проговорила ему в спину Женечка.

Тимофеев остановился, сделал разворот через левое плечо и отчеканил:

– Госпожа Ларсен, мне необходимо срочно сдать тест на коронавирус!